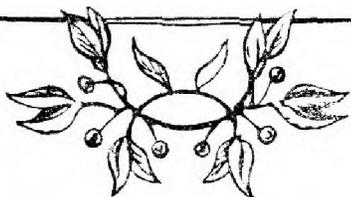


РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ЯЗЫКЕ

Х Р Е С Т О М А Т И Я



ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
А. М. ДОКУСОВА

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

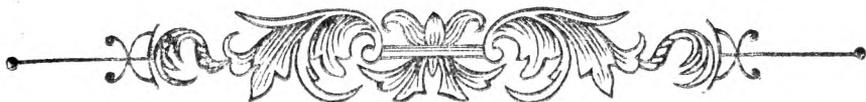
A small, symmetrical decorative flourish consisting of two curved lines meeting at a central point, resembling a stylized arrow or a winged element.

A decorative flourish consisting of a central winged element, similar to the one above, flanked by two horizontal lines that curve upwards at the ends.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Л Е Н И Н Г Р А Д

1 9 5 5



В. К. Треднаковский

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ

Суть в неких умы примрачностей таких,
Что зрится быть всегда за тучею мысль их:
Луч разума сквозь ту не может в век проникнуть.
То прежде, неж писать, вам мыслить долг навикнуть,
Коль будет наша мысль светла, или темна;
Изобразится толь и в чистости она:
Что поймешь, ясно то сказать, уже удобно,
И сами все слова бегут на то способно.

*1752. Наука о стихотворении и поэзии. Соч., т. I, стр. 35—36. **

РЕШАЮЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ЖИВОЙ РЕЧИ И РОЛЬ ТРАДИЦИИ В РАЗВИТИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

I

Мне употреблению да будет всегда повиновение, сие ж как в мертвых языках, в которых я лучшего века в писателях нахожусь, так и в живых, где я всегда природу их наблюдаю и делаю, что те больше от всех похваляются, которые лучше прочих оную в них знают, и силу ее разумеют.

II

Власть моя над всеми языками есть превеликая, и, так сказать, не имеющая пределов; *ибо я токмо могу говорить, как хочу, токмо сходно с природою языка; я в том имею неоспоримое право; я токмо и правило*, по которому должно поступать в языке. Чего ради, меня надлежит предпочитать всекопечно всем правилам, от грамматистов положенным, которые уже не согласны со мною

* В. К. Треднаковский. Сочинения, изд. А. Смирдина. СПб. 1849. Все ссылки по этому изданию.

употреблением: ибо не от правил я употребление, но от меня правила в живучих языках. Инако, тщетные б были правила, для того чтоб они то преднаписывали, чего или ни у кого нет на слове, или мне в видимую противность.

IV

Однако, не столько я всеобщим, и с собою согласным, чтоб во мне самых малых, и почитай нечувствительных языку, не было разностей. В таком случае, то я правым почитаю, что с разумом согласно, и им одобрено быть может: ибо я не нечто безрассудное, но разумное. Инако, как бы ни врали незнающий меня, всегда б на меня ссылаться могли с обидою и в предосуждение мне.

VI

И понеже мужицкий и гражданский язык некоторые также мною одним употреблением неправо называют; то я объявляю, что то токмо употребление, которое у большия и искуснейшие части людей, есть точно мною рожденное; а подлое, которое не токмо меня, но и имени моего не разумеет, есть не употребление, но заблуждение, которому родный отец есть незнание.

1748. Разговор о правописании.¹ Соч., т. III, стр. 217—221.

О ЛЮБВИ К РОДНОМУ ЯЗЫКУ

Навыкновение разным языкам, и особливо так называемым ученым, и тем, кои где в большем ныне употреблении, коль есть нужно и полезно, ведают ведающие и умеющие говорить языками, однако, не желал бы я отнюдь, чтоб кто охотнее тщался о приобретении себя совершеннейшего искусства в чужих языках, нежели в своем природном, и еще с природном, и еще с презрением его. Стыд, срам, и бесчестие Римлянину не уметь по Латински, как то восклицает Римский Сатирик Ювенал! А равным образом сие каждый народ к себе приложить может, применяя Ювеналов Рим на свое Отечество.

*Слово о премудрости, благоразумии и добродетели.
Соч., т. I, стр. 500.*

От разности языков, которых различные народы, каждой между своими, на употребление согласились, сие происходит весьма не бесполезное, как мне кажется, вопрошение, то есть, к какому больше каждой народ должен прилежать языку? К общему ли некоторому, ежели он есть? Или о собственном и природном наивысшее радение потребно ему иметь, и оной всемерно предпочитать всем другим чужестранным языкам? <...>

Чтоб с самого начала мнение мое объявить, определяю, что о природном своем языке, больше нежели о всех прочих, каждому надлежит попечение иметь; но чего ради я так определяю причины, которая у меня наиважнейшими почитаются, здесь рассмотреть охотно потщусь. Из оных самая первая есть: *наичастейшее употребление, и почитай ежечасное*. Ибо куда бы кто, в самом порядочном городе, ни пошел, везде он природной свой язык услышать имеет. Ежели в большой колокол благовестят ему в церковь; в церкви природным его языком как молитвы проливаются, так божие проповедуется слово. Буде, или для должности, или для любопытства, впусится верховного самодержца в палаты; в палате все (выключая иностранных, где их обыкновенно много бывает, или с чужестранными разговаривающих) природным языком и взаимно себе поздравляют, и доброжелание свое объявляют, и друг друга приветствуют, и прочее разговаривают как искренно, так и лицемерно, а сей он язык услышав, и сам для чести не захочет другим говорить. Пускай предстанет в Сенате пред сенаторами: в Сенате также природным языком, и о нужде своей представит, и что они определяют, тем же языком написано будет. Пускай войдет в судейскую пред судью; пред судьею равным образом, как дело свое оправданием, или уликою очистит, ежели оно справедливое, так и обвинен будет за оное, буде оно несправедливое, природным языком. Угодно ль ему будет выдти на площадь? На площади природным языком и сам говорить имеет, и от других тех же разговоры поймет. Пускай придет смотреть в праздник комедию; и на театре природным языком баснь представляется. Пускай придет к купцу; с купцом природным же языком за товар его в цене торговаться будет. Что больше? Величавному солдату потакать станет, природным языком; работника наймет, природным языком; приятелей поздравит, природным языком; на слуг закричит, природным языком; детям наставление преподаст, природным языком; другую самого себя половину или ласково примолвит, или гневно с нею говорить станет, природным языком.

И так, всем одного и того ж общества должно необходимо и богу обеты полагать, и государю в верности присягать, и сенаторов покорно просить, и судей умилоствлять, и на площади разговаривать, и комедию слушать, и у купца покупать, и солдатам уступать, и работных людей нанимать, и приятелей поздравлять, и на слуг кричать, и детей обучать, и жену приговаривать, и письма писать, и хвалить, и хулить, и советовать, и отводить, и обвинять, и оправлять, и чего не должно? Но все сие токмо что природным языком.

Приступаю к другому доказательству. Оное есть: *способность и безопасность в сочинении*. Которые чужими языками или говорят, или что-нибудь пишут, вонистну ж те прилежно наблюдать должны, чтоб всё, что говорят и пишут, было и прямо, и по свойству того языка, и по употребительнейшим и лучшим посло-

виям, и по прочему премногому, а каждое по нитке. Но здесь трудность; но здесь труд. Ибо человек, которой не родился в том обществе, которого он язык употребляет, едва может когда не погрешить: а ежели есть некоторые, как и есть подлинно, которые прямо употребление имеют в том языке; по сие самое коль не способно? С коликими запинками? С коликим сомнением? Коль с великим трудом они изображают? То бояться, подлинно ль сие, или то изображение лучшего употребления? То сомневаются, отвечает ли глагол глаголу в наклонении и во времени? То заботливо рассматривают, которой слог сего, или того речения, так называемую силою, надобно возвысить, или ею не означить? То часто не знают, которой слог должно протянуть, или кратко выговорить по тому природному произношению? То по большей части наивожделеннейше ожидают самих слов, которые им надлежит искать за Геркулесовыми столбами, * и которые упрямо не любят другия природы людей, и потому устремительнее воздушного вихря улетают с их языка. Всегда такие исполнены затруднений, остановки, боязни, а иногда и стыда. Но что следует, то еще наитруднейшее, а именно, едва кому-нибудь во всей его жизни, трех или четырех случится услышать говорящих чужим языком, которые бы порочного не имели выговора в произношении, в рассуждении того, какова тот язык требует по своему свойству, и которые бы не портили слогов и речений, чрез движение гортани, языка и уст, привыкшие с младенчества к их природному изглашению.

Напротив того, в природном языке все само собою течет, и как бы на конце языка, или пера слова рождаются. Нет заботливого попечения о правоте изображения, нет сомнения в рассуждении слов, нет остановки, нет боязни. Чисто ли частицы взаимно себе соответствуют, и надлежащее ли место в речи занимают, без труда и тот кто пишет, и тот кто говорит, усматривает. Но об ударении силою, ниже помышляет, кто употребляет природной язык, равно как и о прямом выговоре; все ему тотчас употребление и доказывает и утверждает, также и до всего доброхотную природою и привычкою, от самых младых лет, провождаем и веден бывает.

Что же и тот сам, кто природной язык употребляет, также выбирает краснейшие, учтивейшие и звончайшия слова; но сие самое делает ни с толикою заботою; с коликими тож бывает в чужих языках, а всегда с презрядным успехом. Нет причины бояться природному писателю, или витию, так называемых Барбарисма ** или Солецисма ***; употребление, о котором уже я упомянул однажды, и еще теперь честно упоминаю, нечувствительно ему все пороки, которых должно опасаться, представляет,

* Сие значит самую дальнюю страну.

** Неприродное, или нечистое какова языка слово.

*** Природное и чистое какова языка слово, но не в той употребленное речи, и не в той силе.

и как бы на ухо шепчет. Понстине, чтоб кратко сказать, и всю силу доказательства сего заключить, не в Афинах кого-нибудь рожденного и воспитанного, но Теофраста в Лесбе родившегося. Афинейская она женщина обличила в погрешении Аттические речи, назвавши его в смех ипоземцом, которой впрочем думал о себе, что он совершенно то наречие знал, для весьма долгго пребывавши в том Цекропиевом городе.

Третие доказание есть: *Последняя причина или сила языков*. Всем известно, что наружное слово, есть знак внутреннего понятия, которое всем людям, всем народам, еще и всякому человеку есть наиболее общественное; но наружные знаки, или наружное слово, инако потому что каждой народ на особливый согласился изображения, для названия именем той, или другой вещи. Посему, наружные знаки, иные в сем народе особливые, и ему только знаемые; другие другого народа собственные, и от него токмо ведомые. Сие тож, что и каждый народ имеет особливо свой язык, и что столько разных языков во всем свете, сколько в нем обитает разных народов. Все сие толь есть праведно, коль что наиболее быть может, как и в моем положении. От сего ясно, что язык которой одного народа собственной, есть ему только весьма знаемой; всякой другой неведомой.

Но, ежели бы кто каким языком стал говорить, который бы совершенно был тому неведом, с кем бы он говорил; в таком случае, не тож ли бы самое он делал, как будто бы ничего всеконечно не говорил? Того ради, последняя причина, для которых языки, состоит в том, ЧТОБ ЯЗЫК РАЗУМЕТЬ. Но тот без сомнения, разумеется, которой есть собственной одного народа, одного общества, одного города. Потому, в сем народе, в сем обществе, в сем городе надлежит употреблять его токмо всегда: сие должность, сие устав, сие самая последняя причина, или сила каждого языка, повелевает. Следовательно, к природному языку, к природному больше всех прочих, надлежит прилежание иметь, чтоб кому, по крайнему несчастию, неумеющему природного языка, и принужденному показывать перстом в рот для изъявления своего голода, насмешники никчему годные зуба, с превеликою его болезнию, не вырвали.

Примеры, наконец, прежде бывших народов, и которые ныне оныя следуют, четвертый и последний моего мнения важный пункт. Понеже нег ничего в смертной сей жизни, которое бы могло быть толь изрядное, толь честное, толь похвальное, толь необходимое каждому Гражданину <...> как чтоб Отечество свое любить, к нему во всю свою жизнь усердие иметь, пользу его наблюдать, всякое зло и отвращать и отгонять, от неприятелей оборонять, еще и кровь свою за спасение его проливать, кратко, что бы ни было, которое бы или к превеликому, или к небольшому, или к посредственному прибытку Отечества елужить могло, того отнюдь не отпускать, но самым действием производить, хотя и в всеконечным потеряннем своая жизни; того ради, наиблагорас-

суднейше жившие прежде народы делали, которые все ничего святое сограждан своих пользы не почитая, сочинения свои, или наставлению, или повествованию, или увеселению служащие, природным языком и написали и предали, и потомкам своим оставили.

*Слово о витийстве.*² Соч., т. III, стр. 570—578.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

О ПРОИСХОЖДЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

<...> в начале сего рассуждения от нас предложено знаменитого Целлария утверждение, «что Славяне из Россни, и от Циммерийского Босфора вышедши, сели частью между Дравою и Савою реками, а частью зашли в Польщу и в Богемию, да и положили начало трем Государствам, а именно, Славенскому, Польскому и Чешскому». Следовательно, всей Славонии и Славенскому языку, корень есть Россия и язык Славенороссийский. Сие Целлариево место, поистине достойнее и праведнее изобразить тиснением или резьбою на золотых досках, для всеобщего всем прочтания.

*Рассуждение о первоначалии россов.*³ Соч., т. III, стр. 443.

ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ

ПОРЯДОК СЛОВ В ПРЕДЛОЖЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

<...> Афиняне и Римляне, писавшие все остро, живо и прилично, помещали свои слова так, как хотели (а сие свойство и господствует свободно в нашем языке)...⁴

Из предисловия к «Тилемахиде». Соч., т. II, стр. LXIV.

ПРАВОПИСАНИЕ И ПРОИЗНОШЕНИЕ

Не противлюсь и в сем, что этимология, или произведение слов, есть нечто не малое для ученых людей. Итак, кто из ученых знает что то или другое слово, есть греческое, или другого какова языка; тот ведает и орфографию его, то есть, из каких оно состоит букв, и потому, знает и знаменованье его: буде ж не знает; то станет доискиваться,

Пускай же ученые люди произведения слов доискиваются. Но орфография не для одних токмо ученых, да и для всех без изъятия, которые вся сила в том состоит, чтоб знать, которую букву в котором складе, и где в нем, а склад, в котором месте всего слова поставить.

Пустая, г. м., мудрость, поистинне пустая, а действительная трудность, ежели в которой Азбуке больше букв, нежели сколько надобно. Начто без пользы мучиться, и терять время, для того

только, чтоб знать, где должно писать (ч), и где (ф)? Не все у нас учились греческому, или латинскому, или какому другому языку, без знания которых невозможно знать различия в сих буквах; а однако орфографию нашу, не только ученым людям, но и всем тем, которые у нас писать умеют, всеконечно знать должно: ибо как бы они писали, ежели бы не знали который склад, и которое место склада, которые буквы требует, для написания целого слова? Но такое знание, еще несравненно легчайшее будет, когда, каждая буква свой токмо звук, или его способ, означать имеет: сие вам само собою вразумительно. Буде ж один и тот же звук, или его способ, означается двумя или тремя знаками; то как не быть сомнению, и следовательно затруднению в писателе, а особливо в неприкоснувшемся к таким наукам, которые рассуждают о силе и свойстве букв, какую из оных употребить должно в склад? <...> *Так писать надлежит, как звук требует: ибо должность писмен в том, чтобы им хранить голоса, и как заклад отдавать их читателям.*

1748. Разговор о правописании. Соч., т. III, стр. 123—125.

<...> московский выговор все неударяемые (о) произносит как (а). Сие показывает, что московский выговор, есть всех других наших провинциальных громогласнее и выше. В сем выговоре сие следующее примечания достойно, что он из последнего края за первую пропорциональную к (и), произносит из первого края первую пропорциональную к (е). Таков есть московский выговор. Но всего народа, а сей есть низкий и почитай могу сказать самый простой выговор, такое у нас свойство имеет, что едва не все, или по самой большей части (е), ударяемые произносит четвертою двугласною (ио). Например, *везиот*, вместо *везет*; *кладиот*, вместо *кладет*, *виодро*, вместо *ведро*, *спасионый*, вместо *спасенный*. Так что есть причина думать, что коренная природа нашего выговора требует во все те слова, в которыхы мы ныне ставим (е) ударяемые непринизносимые как (ио), двугласныя (е) ударяемая-ж например: *благовольные, творьные, введьные*, вместо *благоволение, творение, введение*.

Там же, стр. 252—253.

ОБУЧЕНИЕ ЮНОШЕСТВА ГРАММАТИКЕ И РИТОРИКЕ

Все сии, и прочия следующие Учения, когда словами из себя изъясняют, без Грамматики говорят немой и неправо; и потом без Реторики вещают скудно, непристойно, и несладко. Чего ради, самая первая отроку наука, дабы ему после способну быть к понятию высочайших мудрости наук и знаний, есть Грамматика; а по ней столько ж, буде не больше нужная, Реторика.

Слово о премудрости, благоразумии и добродетели.
Соч., т. I, стр. 500.

БОРЬБА ЗА УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ И ЧИСТОТУ РОДНОГО ЯЗЫКА

Излишнее в словах не вкусно есть и гадко:
Ум отвергает все, уж сытый, что не кратко.
Кто меры не познал, не знает тот писать!

Наука о стихотворении и поэзии. Соч., т. I, стр. 39

Не помышляете ль вы, что наш язык не в состоянии быть украшаем? <...> Посмотрите, от Петра Великого лет, на многи прошедшии годы; то размысливши увидите ясно, что совершеннейший стал в Петровы лета язык, нежели в бывшия прежде. А от Петровых лет толь отчасу приятнейшим во многих писателях становится оный, что нимало не сомневаюсь, чтоб, достаславныя Анны в лета, к совершенной не пришел своей высоте и красоте <...>

Утвердят оный нам и собственное о нем рассуждение, и восприятное употребление от всех разумных: не может общее, красное, и пишемое обыкновение не на разуме быть основано, хотя коль ни твердится употребление, без точныя идеи об употреблении <...> Из основательныя Грамматики и красныя Реторики не трудно произойти восхищающему сердце и разум слову пиитическому, разве только одно сложение стихов неправильностию своею утрудить вас может; но и то, господи, преодолеть возможно, и привести в порядок: способов не нет; некоторый ж и я имею. Вся трудность состоит в Лексиконе.

Не противлюсь вам, великое и трудное дело есть Лексикон, и Лексикон такой, какому быть ему надлежит, а именно, полному и совершенному. Однако, не сие есть свойство Лексикона, как повествуется об истинном, или и ложном лучше Фениксе, что б единойды в пять сот лет был созерцаем: тысячи есть издавна разных Лексиконов, и на многих языках. Сие самое доказывает непреоборимо, что и Лексикон не выше сил человеческих; а сего здесь и довольно. Излишно б упомянул я о Переводе: некоторый и из вас самих, и не без похвалы, пускают и пустили в свет свои переводы. Того ради, хотя и труден перевод, но бывает, и производится: хотя он и скучен? но к окончанию своему приходит. Труд, господи, труд прилежный все препобеждает.

Речь «О чистоте российского языка». Соч., т. I, стр. 265—267.

...коль ни полезно есть Российскому народу возможное дополнение языка, чистота, красота и желаемое потом его совершенство; но мне толь трудно быть кажется, что не нестрашит, уповаю, и вас, господи, трудностию и тягостию своею. Не об одном здесь чистом переводе степенных старых и новых авторов дело

идет; что и одно, и само собою, колико проливает пота, известно есть тем, которые прежде вас трудились в том, и вам самим, кон упражняетесь ныне; но и о Грамматике доброй и исправной, согласной во всем мудрых употреблению, и основанной на том, в которой коль много потребности, толь немалая ж и трудность; но и о лексиконе полном и довольном, кой в вас еще больше силы потребует, нежели в баснословном Сизифе превеликий оный камень, который он на высокую гору один токмо хотя вскатить, с самого почтай верха на низ его не хотя опускает; но и о Реторике и Стихотворной науке, а сие все безмерно утрудить вас может.

Там же, стр. 259—260.

<...> в чистом выговоре коликая есть важность, знают все кои часто в превеликий стыд приходят за страшный свой выговор, так как и в Афинах Теофраст покраснелся пред жонкою назвавшею его за не аттический выговор иноземцем, того ради, надлежит его привести под некоторые общия, легкия, немногочисленные правила.

Разговор о правописании. Соч., т. III, стр. 285.

НЕИЩЕРПАЕМЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПОЭЗИИ

Вольность есть некоторое изменение слов, употреблением утвержденных <...>

Обыкновенно поступают Стихотворцы свободнее и смелее в избрании слогов и употребляют иногда в стих, для меры, такие слова, кои в прозе отнюдь стерпеть не можно. Имеют они сие право подтвержденное множеством веков: однако, должно и им быть в сем умеренным.

Вольности вообще такой быть надлежит, чтоб слово, употребленное по вольности, весьма распознать было можно, что оно прямое наше, и еще так, чтоб оно несколько и в употреблении находилось, а не нелепое какое, странное и дикое.

Способ к вложению стихов. Соч., т. I, стр. 165—166.

Что ж до нашего языка; то он столько ж благолепно воскриляется дактилем, сколько и сам еллинский и римский: и также преизящно употребляет пренесение речей с места на другое, не пригвождаясь к одному определенному, как и оный еллинский с латинским: природа ему даровала все изобилне и сладость языка того еллинского, а всю важность и сановность латинского.

На что ж нам претерпевать добровольно скудость и тесноту французскую, имеющих всякородное богатство и пространство славенороссийское?

Из предисловия к «Тилемахиде». Соч., т. II, стр. LXIII.

ОБ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Но, может кто-нибудь подумать, что я толь чрез сильное радение о природном языке, совершенно опровергаю всякое приложение охоты и труда к чужим языкам, от которых толь великие плоды получаютя. Не весьма я, поистине, толь грубого наставления, да будет принято не в самохвальство, чтоб я совершенно не разумел, что чужестранные языки не токмо наинужнейший союз взаимного между народами сообщения, превеликое украшение юнош, увеселение мужей, честь престарелых людей, наилучшее средство к получению просвещенного познания<...> Толико я, по сему, не только за бесполезное не признаваю учиться чужим языкам; но еще к тому наисильнейшим образом всех и возбуждаю: только притом первейшего и тщательнейшего старания о природном языке, нежели о всех других, как желаю, так оное и советую.

Слово о витийстве. Соч., т., III, стр. 582—583.

О ПЕРЕВОДАХ

Того ради, без всякого сомнения, уповаю, что и наш также, напоследок, сие самое собою накрепчайше подтвердить имеет, ежели сперва многие переводы с других языков и начнет и совершит, и сим образом пословия своего сочинения вычистит, а при всем том, многие и различныя вещи именами называя, богатое изобилие слов получит. И так да переводят, которые цветут из наших искусством языков, все что презряднейшее, все что полезнейшее, все что достойнейшее в чужих языках, на наш Российский язык; да обогащают Россию выборнейшими книгами; да утоляют жажду во многих, которую они имеют к чтению, к получению наставления, к наслаждению разума и сердца, к приобретению не токмо большего в разуме просвещения, но, что вящшее есть, и твердейшего исправления в добродетельном сердце...

Слово о витийстве. Соч., т. III, стр. 584—585.

На меня, прошу вас покорно, не извольте погневаться, (буде вы еще глубокословныя держитесь славенщизны), что я оную не-славенским языком перевел, но почти самым простым русским словом, то есть каковым мы меж собой говорим. Сие я учинил следующих ради причин. Первая: язык славенской, у нас есть язык церковной; а сия книга мирская. Другая: язык славенской в нынешнем веке у нас очень темен, и многия его наши читают не разумеют; а сия книга есть СЛАДКИЯ ЛЮБВИ, того ради всем должна быть вразумительна. Третья: которая вам покажется может быть самая легкая, но которая у меня идет за самую важную, то есть, что язык славенской ныне жесток моим ушам слышится, хотя прежде сего не только я им писывал, но и разговаривал со всеми; но зато у всех я прошу прощения при которых я с глупо-

словием мсим славенским особым речеточцем хотел себя показывать.

Ежели вам, доброжелательный читатель, покажется, что я еще здесь в свойство нашего природного языка не уметил, то хотя могу только похвалиться, что все мое хотение имел, дабы то учинить; а коли же не учинил, то бессилие меня к тому не допустило, и сего, видится мне, довольно есть к моему оправданию.

Езда в остров Любви. Предисловие. Соч., т. III, стр. 649—650.



В. К. ТРЕДИАКОВСКИЙ

1. В «Разговоре о правописании» Тредиаковский высказывает безоговорочное требование: писать так, «как звон требует», делая произношение абсолютным критерием правописания.

Тредиаковский переоценивал возможности фонетического принципа, и его высказывание интересно лишь для истории вопроса.

В современной науке нет ориентации на один только критерий произношения. В основу правописания положены морфологический, фонетический и исторический принципы. Тредиаковский пришел и к грубо ошибочным выводам, чьей же практики следует придерживаться, он пишет: «лучше полагаться... на знающих и обходительством выцветенных людей, нежели на нестройную и безрассудную чернь», не на «пахотников», т. е. крестьян, а на «учтивых граждан». Ориентацию на «мужицкий» язык он объявляет «заблуждением, которому родной отец есть незнание».

Стихотворение Горация дается только в переводе Тредиаковского, опуская латинский текст.

2. «Слово о витийстве» представляет собой выступление Тредиаковского в защиту родного языка. Полный текст заглавия: «Слово о богатом, различном, искусном и несхотственном витийстве. Говорено почтеннейшим, благороднейшим, ученейшим профессорам в Императорской Академии Наук Санкт-петербургской чрез Василия Тредиаковского профессора публичного ординатного элоквенции Российския и Латинския Л. Г. 1745, августа 12 дня. Переведено чрез него ж с Латинского его сочинения».

Уже из этого видно, какую борьбу за родной язык приходилось вести в то время писателям и ученым: даже «Слово о русском красноречии» приходилось сначала писать на латинском языке.

3. С современной точки зрения рассуждения Тредиаковского, как и приводимое им утверждение немецкого ученого-филолога, историка и педагога Христофора Целлария об истории языков не научны. Приводятся они как еще одно подтверждение борьбы Тредиаковского в деле отстаивания в науке русских национальных начал.

4. На самом деле такого свободного расположения слов в русском предложении нет. Решительное применение этого замечания Тредиаковского в его стихах ослабило их художественную и языковую выразительность.